

«ЭКОЙ РАЗБОЙНИК...» (ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К «ФАТАЛИСТУ» ЛЕРМОНТОВА)

В.А. Плунгян

Институт языкознания РАН,
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Е.В. Рахилина

Институт русского языка
имени В.В. Виноградова РАН

Все помнят тот знаменитый эпизод из «Фаталиста», когда невозмутимый наблюдатель-рассказчик Печорин встречает на дороге первую жертву буйства казака Ефимыча (второй его жертвой станет, как очень скоро выяснится, Вулич). Посмотрим еще раз на этот отрывок:

Наклоняюсь — месяц уж светил прямо на дорогу — и что же? предо мною лежала свинья, разрубленная пополам шашкой... Едва я успел ее осмотреть, как услышал шум шагов: два казака бежали из переулка, один подошел ко мне и спросил, не видал ли я пьяного казака, который гнался за свиньей. Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости. — Экой разбойник! — сказал второй казак, — как напьется чихиря, так и пошел крошить все, что ни попало. [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени / Фаталист (1839)]

Лермонтовский нарратив замечателен во многих отношениях, но в данном случае мы хотели бы остановиться на слове *разбойник*. На первый взгляд, здесь как будто бы нет особого предмета для интереса: слово *разбойник* хорошо понятно любому говорящему по-русски. Оно достаточно частотно¹ и фиксируется в текстах на протяжении длительного периода времени, практически с начала письменной истории русского языка. По происхождению церковнославянское (хотя в памятниках встречаются и восточнославянские формы типа *розбойник*), оно в принципе сохраняет прозрачное морфологиче-

¹ В Основном подкорпусе НКРЯ его частотность составляет 34 ipm — это сопоставимо с частотностью таких лексем, как, например, *награда* (35 ipm), *посидеть* (34,5 ipm) или *справа* (32 ipm); правда, в современных текстах она несколько ниже, чем в текстах XIX века, и к этому обстоятельству мы еще вернемся.

ское членение, отсылая к отглагольному имени *разбой* (в современном языке также сохранившемся², однако его частотность почти в шесть раз меньше, чем у слова *разбойник*).

Древние разбойники действительно занимались разбоем — т.е. грабежом и возможным убийством жертв, на которых они нападали (часто это были путники, отсюда и «разбойник с большой дороги»). Собственно, практически без изменений это понятие сохраняется и в современном уголовном кодексе РФ, где «разбой» определяется как «нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья» — в отличие от простого «грабежа» (который определяется более лаконично как «открытое хищение чужого имущества»). Заметим, однако, что если древний и малоупотребительный в обыденном языке *разбой* почти полностью сохранил свою семантику в кодифицированном юридическом языке, то слово *разбойник* в нем сегодня отсутствует: его история оказалась гораздо более прихотливой.

В церковнославянском один из важнейших контекстов, в которых возникают разбойники — это рассказ о двух преступниках, распятых вместе с Христом. Об этом событии рассказывают все синоптические евангелия (Мф. 27, Мк. 15, Лк. 23), но «разбойниками» (λησται) называют этих людей только Марк и Матфей, а у Луки они — просто «злодеи» (κακοῦργοι, в юридическом смысле — любые преступники). Первое греческое слово восходит к корню со значением ‘награбленная добыча’; у античных авторов уже четко противопоставляется обычный вор (κλέπτης, лат. *fur*, ц.-сл. и др.-русск. *тать*) и прибегающий к нападению и насилию ληστής (лат. *latro*). Разбойники (λησται) упоминаются в Евангелиях и в других важных контекстах: так, изгоняя торговцев из храма, Иисус говорит, что те сделали его «вертепом разбойников», а пришедших схватить его в Гефсимании упрекает «как будто на разбойника вышли вы с мечами и кольями взять Меня»; рассказ о путнике, оказавшемся жертвой «разбойников» (ограбленном и израненном ими), начинает притчу о добром самарянине (Лк. 10:30–37). «Разбойником» Иоанн (Ин. 18:40) называет и отпущенного Пилатом по требованию толпы Варавву, который, по свидетельству других евангелистов, был заключен в тюрьму даже не за грабеж, а, в церковнославянском переводе, за *крамолу* [т.е. мятеж] и *убийство* (διὰ στάσιν καὶ φόνον, Лк. 23:25).

Этот четко заданный семантический ореол опасного грабителя и убийцы сохранялся у слова *разбойник* в русском языке в неизменном виде долго (характерен пример из памятника XVI в., приводимый в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», 1995, вып. 21, с. 141: ⟨...⟩ *от разбоиник убиство, и гра-*

² Любопытно проникновение этого слова из южнославянских языков в румынский, где *război* получило значение ‘война’ — так, *Первая мировая война* официально называется в румынской историографии *Primul război mondial*, и т. п.

бежъ, и от татеи окрадение). Еще у Карамзина он предстает со всей отчетливостью:

*Навстречу к ним вышли пять или шесть человек с пиками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, которые висели у них на кушаках. Старушка няня <...> закричала: «Ахти! Мы погибли! Мы в руках — у **разбойников!**» Теперь мог бы я представить страшную картину глазам читателей — <...> несчастную красавицу во власти варваров, убийцу, женою атамана разбойников, свидетельницею ужасных злодейств <...>* [Н.М. Карамзин. Наталья, боярская дочь (1792)]

Однако постепенно значение этого слова начинает меняться — можно сказать, что эти изменения ведут в сторону некоторого размывания смысла и одновременного ослабления тяжести криминальных коннотаций. Такие изменения фиксируются с начала XIX века, и лермонтовский пример об этом наглядно свидетельствует. Пьяный казак хотя и склонен к разного рода буйствам и даже убийству (и увы, не одной только свиньи, встреченной им на дороге), но всё же в точном техническом смысле он разбойником не является: перефразируя другого поэта, жившего почти на век позже Лермонтова, «не злодей он и не грабил лесом». Его характеристика как разбойника несколько гиперболическая.

Размыванию и ослаблению значения, конечно, в значительной степени способствует и восклицательная конструкция (у Лермонтова со словом *экой*): такие конструкции усиливают экспрессивную и оценочную семантику и ослабляют денотативную. Тексты XIX века дают уже немало примеров таких размывтых употреблений, когда слово *разбойник* применяется к взрослым людям, совершающим какие-то отрицательно оцениваемые агрессивные действия — из достаточно широкого набора, часто никак не уточняемого. Ср.:

*И голова еще у него на плечах? <...> Экий **разбойник**, подумаешь! Его ли государь не жаловал; он ли не был в почете? <...> Добро, добро — узнает, какво быть под княжескою опалою!* [М.Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)]

*Ну, здоров, **разбойник**, кулак, словно свинчатка!.. Как он хлынул меня, так я думал, что голова с плеч слетит!* [М.Н. Загоскин. Брынский лес (1846)]

*Я убью тебя! (Замахивается стулом, Глаша его удерживает). Иван Павлыч. Ого... Вот еще какой **разбойник!**.. Не бойсь, умирим...* [А.А. Потехин. В мутной воде (1871)]

Употребления в рамках старой семантики (тем более поддерживаемой евангельскими текстами) при этом также оставались возможны, когда речь шла

о настоящих преступниках. Однако область их применения непрерывно сужается и к началу XX века смещается скорее в область фольклора, сказок и детской литературы (можно вспомнить и популярную в прошлом веке детскую игру в *казаки-разбойники*: нам неизвестно, играл ли в нее в детстве наш юбиляр, но в принципе вполне мог, хронологические данные этому не противоречат). Получается, что убийцу и грабителя разбойником назвать в современном русском тексте можно, но только при условии, что этот персонаж существовал в далеком прошлом. Люди, совершающие примерно те же самые действия, но в нашей современности, называются иначе: сегодня, пожалуй, наиболее приемлемым эквивалентом будет слово *бандит* (когда-то маргинальное заимствование XVII в. из итальянского — возможно, через посредство немецкого или польского, резко увеличившее свою частотность с конца 1920-х гг. и вполне точно покрывающее именно первоначальную криминальную семантику), ср.:

Самостоятельный. Какие-то машины перегонял. Ремонтировал. Жалко, что на дороге где-нибудь бандиты его не убили. Прости меня, Господи. До того как он на Татьяну мою глаз положил. [А. Геласимов. Чужая бабушка (2001)]

Задержать бандита из тверской организованной преступной группировки, который больше года скрывался от правосудия, удалось сотрудникам уголовного розыска УВД Северо-Восточного округа. [«Московский комсомолец» в Нижнем Новгороде, 30.07.2004]

Во всех таких контекстах слово *разбойник* выглядело бы крайне странно — но не менее странным выглядел бы, например, и заголовок «Али-Баба и сорок бандитов» вместо привычного *сорок разбойников*.

Таким образом, криминальное значение слова *разбойник* существует, оно понятно носителю языка, но, можно сказать, заперто в историческом гетто. Относительно высокая частотность этого слова объясняется другими его употреблениями — оценочными. Здесь тоже можно проследить некоторую интересную эволюцию.

Уже в первой трети XIX века заметны сниженные и ироническое оценочные употребления, в которых акцент делается не на опасной агрессивности (как в приводившихся выше примерах), а на расплывчатом общем осуждении; ср. в близком значении слово той же эпохи *негодник*:

Васька, разбойник! давай поскорее одеваться. Сапоги!.. брюки!.. скорее!.. Где моя шляпа?.. [О.И. Сенковский. Поэтическое путешествие по белу-свету (1833)]

Позднее и этот тип употреблений постепенно устаревает и происходит своего рода «инфантилизация» разбойника: примерно с середины XX века

он целиком переключивается в детскую литературу как герой детских игр и книг:

*«Слуги! Рабы! Все ко мне! Хватайте **разбойника!**»*. [Ф.В. Гладков. Повесть о детстве (1948)]

*— Мы не боимся никаких **разбойников!** — кричал Самоделкин. — Мы вернемся! Мы снова придем в нашу Волшебную школу!* [Ю. Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)]

Более того, в этот же период разбойником становится можно и правильно называть именно ребенка: так реагируют взрослые в ответ на какой-нибудь мелкий и сравнительно безобидный проступок. К взрослому человеку (в отличие от того, что мы наблюдали в примерах XIX века) так в XX веке уже обратиться было нельзя:

*— Ты мне угрожаешь, **разбойник!** — возмутилась почему-то бабушка.* [Е. Велтистов. Классные и внеклассные приключения необыкновенных первоклассников (1985)]

Но окончательное выветривание исходной семантики проявляется в том, что сейчас разбойником можно ласково назвать домашнего кота или собаку, причем уже практически без всякой отрицательной коннотации — так сказать, без всякого повода со стороны животных:

*⟨...⟩ ванная, из которой неторопливо вышел рыжий кот. ⟨...⟩ — Проголодался, **разбойник!** — приветствовал своего любимца дядя Лёва. — Сегодня я тебе свеженькой рыбки не наловил, ты уж извини.* [М. Милованов. Естественный отбор (2000)]

Так причудливо может эволюционировать семантика слов: старые употребления не исчезают полностью, но закрепляются в качестве реликтовых в некотором узком классе контекстов (в современной когнитивной лингвистике это явление часто называют *entrenchment*), тогда как в остальных контекстах происходит достаточно интенсивная семантическая эволюция. Результаты этой эволюции тоже впечатляют: от грозного преступника — к домашнему коту... Может быть, это даже вселяет надежду.